

Кристофер Прист

Под колпаком

Кристофер Прист
Под колпаком

«ЭКСМО»

1978

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Прист К.

Под колпаком / К. Прист — «Эксмо», 1978

«Иногда Дженесса задерживалась по утрам, оттягивая возвращение на свою унылую работу, и Иван Ордиер с трудом скрывал нетерпение, дожидаясь ее отъезда. В то утро история повторилась. Ордиер притаился возле душевой кабинки, машинально теребя в руках кожаный футляр от бинокля...»

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Прист К., 1978
© Эксмо, 1978

Кристофер Прист

Под колпаком

Copyright © 1999 by Christopher Priest

© М. Казанская, М. Клеветенко, М. Павлова, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

* * *

Как и все мечтатели, я путаю разочарование с истиной.
Жан-Поль Сартр

Иногда Дженесса задерживалась по утрам, оттягивая возвращение на свою унылую работу, и Иван Ордиер с трудом скрывал нетерпение, дожидаясь ее отъезда. В то утро история повторилась. Ордиер притаился возле душевой кабинки, машинально теребя в руках кожаный футляр от бинокля.

Стоя за дверью, он словно наяву, руководствуясь лишь оттенками звуков, видел происходящее внутри. Вот она подняла руку – дружные брызги оросили клеенчатую шторку, – теперь моет ногу – шум воды стал пониже в тональности, а теперь намыливает голову – на пол шлепнулись рыхлые обрывки пены. В мельчайших подробностях представилось ему ее влажное, блестящее от пота тело. Мысль о недавней ночи отозвалась новым приливом желания.

Дабы не выдать свое присутствие, – слишком тесно прильнул он к двери, слишком явно ждал, когда она выйдет, – Ордиер отложил бинокль и направился в кухню. Успел подогреть недопитый с вечера кофе, пока Дженесса продолжала принимать душ, и вновь замер у дверцы кабинки. Судя по звуку, смывает с волос шампунь. Вот она стоит, устремив лицо к потоку воды, длинные темные волосы приглажены на голове и облегают спину. Она любила так постоять, подставив струе жадный рот, чтобы вода втекала и вытекала, струясь по гладкому голому телу. Два ручейка омывали грудь и срывались с сосков, водоворотом сбегали по волосам между ног и шелковисто струились вниз, по ягодицам и бедрам.

Его опять охватило желание. Разрываясь между спешкой и вожделением, Ордиер подошел к секретеру, открыл замок и извлек из нутра свой детектор.

Первым делом проверил аккумуляторы. Пока работают, хотя в скором времени придется сменить – слишком много уже прошло циклов перезарядки, он его теперь часто использовал. После случайной находки пару недель назад оказалось, что дом усыпан «стекляшками». С тех пор Ордиер ежедневно обследовал всю территорию.

Вот и сегодня, едва прибор включился, тут же прозвучал сигнал. Иван прошелся по дому, прислушиваясь к малейшим изменениям в тональности и силе электронного звука. Сигнал привел его в спальню, где он переключил детектор на прямую цепь и поднес к самому полу. И – бинго! – секунду спустя обнаружил «стекляшку». Она утонула в пушистом ворсе ковра неподалеку от кресла, где лежала одежда Дженессы.

Ордиер раздвинул ворс, выудил ее щипчиками и понес в кабинет для дальнейшего изучения. За минувшую неделю эта «стекляшка» стала десятой по счету. Подобные вещи легко занести в дом на одежде, в волосах или подошве ботинка, но каждая находка все равно была неприятной. Он положил крупинку на смотровое стекло и взглянул в микроскоп. На оправленном в силикон объективе не оказалось серийного номера, в который раз.

Дженесса, закончив с душем, замерла в дверях кабинета.

- Что делаешь?
- Опять «стекляшки», – ответил Ордиер. – На этот раз в спальне.
- И как они тебе попадают?.. Говорят, их найти невозможно.
- У меня специальный прибор.
- Впервые слышу. Что же ты раньше не говорил?

Ордиер обернулся и взглянул на нее. Она стояла совершенно голая, с золотистым тюрбаном полотенца на голове. Две волнистые влажные пряди обрамляли лицо.

- Я приготовил кофе. Может, попьем на террасе?..

Дженесса повернулась и ушла. Ордиер проводил взглядом ее влажную после душа фигуру, думая о другой женщине – прекрасной юной катарийке из долины в раскинувшихся за его домом предгорьях. Хотел бы он испытывать к Дженессе прежнее желание! Увы, за последние несколько недель, когда он осознал, что та лишь гасит влечение, которые пробуждает в нем недоступная катарийка, их отношения стали одновременно и более страстными, и более прохладными.

Ордиер повернулся к микроскопу, аккуратно выдвинул предметное стекло и стряхнул «стекляшку» в звуко- и светонепроницаемую коробочку, где набралось уже с пару сотен крохотных объективов. Вернувшись на кухню, взял кофейник, чашки и направился на террасу. Солнце било в глаза, неистово стрекотали кузнечики.

Дженесса грелась под утренним солнцем, расчесывая спутанные пряди волос, и рассказывала о своих планах на предстоящий день.

– К нам на кафедру пришел новенький, тебе нужно с ним познакомиться. Мы договорились поужинать вместе, он будет с женой.

– Кто такой? – поинтересовался Ордиер, не в особом восторге от внезапного срыва планов.

- Профессор. Недавно перебрался сюда с севера.

Дженесса присела на низкий пристенок, обрамлявший террасу, так, что освещенный ярким солнцем двор оставался за спиной. Ей нравилось ходить по дому голышом, зная, что Ордиер не сводит с нее глаз.

- Очередной антрополог? По тем же делам, что и все?

– Естественно, ведь катарийцев нигде больше не встретишь. А иначе зачем бы ему приезжать в эту глушь? Он в курсе всех сложностей, но грант ему уже дали, так пусть себе тратит.

- И зачем он мне нужен?

- Тебе – не нужен. Думаю, что это ты ему нужен.

Ордиер лениво помешивал сахар в чашке. Белые крупинки кружились в густой вязкой жидкости. Каждая из них была в разы больше самой мощной и крупной «стекляшки». В горсти сахара затеряется сотня транзиттеров – ты и не заметишь. Сколько таких передатчиков оставалось в кофейной гуще, сколько их ненароком было проглочено?

Дженесса откинулась на локти и подставила небу груди с напрягшимися сосками. Она приподняла колено, встряхнула головой, откинув волосы за спину, и проверила взглядом – наблюдает ли он? Да, еще бы.

– А ты любишь подглядывать, – промурлыкала она, бросив на него недвусмысленный взгляд. Приподнялась и сменила позу, показывая свои полные груди. – Но не любишь, когда подглядывают за тобой. Так?

- Ты это про что?

- Про «стекляшки». Такой сразу тихий становишься, когда их находишь.

– Что, заметно? – Ордиер понятия не имел, что Дженесса за ним наблюдает, а между тем она подметила верно. Он старался не выказывать тревоги по поводу своих находок и

считал, что Дженессе они не очень интересны. Ей, может, даже нравилось, что за ней наблюдают – она всегда любила выставлять напоказ свое тело.

– Их много на острове. Просто непонятно, как они попадают в дом.

– Тебе ведь не нравится их находить?

– А тебе?

– А я не ищу.

– Сегодня я нашел еще одну в спальне. В ковре возле кровати, с твоей стороны. Если она включена, кто-то мог видеть, как ты раздеваешься. Вид снизу.

– Да на здоровье. Они, может быть, и сейчас смотрят. – Она ненадолго раздвинула ноги, как будто предлагая невидимому оператору взять крупный план. Подняла чашку, пригубила кофе. Впрочем, ее безучастность была лишь игрой: рука дрогнула, и тонкая струйка кофе сбежала по подбородку и капнула на голую грудь. Дженесса провела по ней пальцами.

– Тебе тоже не нравится, – констатировал Ордиер. – Никто не любит, когда за ними следят.

– Точно.

Дженесса поднялась с импровизированного лежака и отряхнулась. Посыпались крошки цемента и песчинки, словно крохотные драгоценные камни.

Ордиер решил, что теперь она оденется и поедет в университет, но ошибся. Она растелила полотенце, лежавшее тут же, под столиком, устроилась на нем и подставила солнцу лицо.

Как и большинство тех, кто, покинув родину, подался на Архипелаг Грез, Ордиер с Дженессой не обсуждали прошлое ни между собой, ни с кем-то другим. Фактически, понятие прошлого и будущего на островах было стерто, и причиной тому стало Соглашение о нейтралитете. Так или иначе, для жителей острова будущего не существовало, ибо до окончания войны на южном континенте никому из обитателей, за некоторым исключением, не позволялось покидать Архипелаг.

Исключение составляли пилоты, пролетавшие над головой, послы, консультанты, медицинские инспекторы, правительственные чиновники и должностные лица, заведующие армейским резервом, проститутки, аферисты или просто бродяги. Все они приезжали и отбывали с островов без малейших препон. Большинство из приезжих оставались на островах, потому что хотели этого или потому что не могли уехать.

Короче говоря, мысли о будущем были отодвинуты на неопределенный срок. Прошлое же утратило всякое значение, и те, кто приезжал на Архипелаг, предпочтя безвременную нейтральность бесконечной войне, пошли на это сознательно. Вот и Иван Ордиер стал одним из многих тысяч таких эмигрантов. В разговорах с Дженессой он не вдавался в подробности о том, как сколотил состояние и оплатил себе домик на островах. Она знала лишь, что когда-то он преуспел в бизнесе, связанном со «стекляшками», скопил денег на обеспеченную старость и отошел от дел.

Дженесса, в свою очередь, тоже не распространялась о прошлом. Когда они познакомились, Ордиер даже решил, что она – местная, но впоследствии выяснилось, что родители привезли ее с юга еще в младенчестве на остров Ланна, где она и выросла. Так что формально она была таким же иммигрантом, хотя ее речь, внешность и поведение чужестранку не выдавали. Она устроилась на работу в университет Тумо на факультет антропологии, где читала лекции, а также участвовала в нескольких исследовательских группах, занимавшихся, пока бесплодно, изучением беженцев-катарийцев, ведущих оседлую жизнь на Тумо.

Главное, чего не стоило знать Дженессе, это каким образом в его руки попал детектор.

Годами раньше, во времена беспринципной и дерзкой молодости, Ордиеру представился шанс заработать уйму денег, и он его не упустил. Война на южном фронте зашла

в тупик, пожирая во множестве жизни и средства. Чтобы получить деньги на продолжение войны, коммерческие отделы армии готовы были к нестандартным решениям. Например, продавать на сторону лицензии ранее секретных военных технологий. Так получилось, что Ордиер стал обладателем исключительных прав на шпионские транзиттеры, те самые «стекляшки».

Формула обогащения оказалась до предела простой: одной противоборствующей стороне продаются микроприборы для слежки, другой – детекторы для их обнаружения. И хотя любая технология, единожды появившись на рынке, могла быть скопирована, Ордиер, благодаря продуманной системе патентов и товарных знаков, добился того, что и в этом случае он получал отчисления. Его предприятие главенствовало на рынке, будучи ведущим распространителем «стекляшек» и цифрового оборудования для расшифровки изображений. Все это продавалось быстрее, чем военные заводы успевали производить.

Уже через год «стекляшек» было выпущено столько, что в мире не осталось ни одной комнаты, здания и помещения, гарантированно скрытых от чужих глаз и ушей. За вами следили все, кому не лень: враги, ревнивые супруги, преступники, коммерсанты, правительство или банальные любители «клубнички».

За последовавшие три с половиной года состояние Ордиера многократно увеличилось. Но в этот же период, параллельно с ростом богатства, росло и чувство моральной ответственности за происходящее. Вся жизнь цивилизованного севера изменилась навсегда. «Стеклашки» были везде, ими был напичкан каждый квадратный метр. Они заполнили улицы, сады, парки, дома, магазины, конторы и аэропорты; таились в операционных, школах и автомобилях граждан. Никто не знал наверняка, в одиночестве ты или с соглядатаем. А вдруг тебя кто-то слушает, записывает твои слова, следит за каждым твоим движением? Общественное поведение изменилось кардинально. Вне дома люди ходили с ничего не выражающими лицами, говорили друг с другом исключительно нейтрально, не допускали откровений. Дома же, поддавшись искушению расслабиться, отыгрывались за целый день, а порою вели себя совсем бесконтрольно. Может, им казалось, что дома за ними никто следил? На самом деле на каждом углу продавались фильмы о том, что происходит за закрытыми дверями.

Обратная реакция не заставила себя долго ждать: в гостиницах рекламировали номера, гарантированно зачищенные от «стекляшек»; в кабинетах и конференц-залах проводилась регулярная чистка перед важными заседаниями и семинарами. Придумывались все новые кодовые языки и знаки, которые не могли бы передаваться посредством вездесущего «рыбьего глаза». Само собой, ни в чем нельзя было быть уверенным наверняка. Куда бы ты ни шел, где бы ни находился, ты автоматически попадал «под колпак».

Наконец, чувство вины затмило собой все остальные соображения, и Ордиер продал бизнес большой корпорации. Обналичил капитал, сел в самолет и сбежал, избрав своим пристанищем Архипелаг Грез. Он понимал, что с его уходом в мире уже ничего не изменится, бизнес как процветал, так и будет процветать, просто лично для него участие в этом стало невыносимым.

Из множества предложенных местными брокерами островов он выбрал Тумо, приобрел большой участок земли на востоке острова, довольно удаленный от гористого, густонаселенного центра. Когда-то давно, в стародавние времена, земли эти принадлежали могущественному тумийскому семейству. Последние из его представителей упокоились чуть ли не полвека назад, и с тех пор собственность пустовала. По заказу Ордиера руины снесли, мусор вывезли, землю подготовили к застройке. На самом краю полукруглой долины возвели просторный дом со всеми удобствами, обнесенный прочными заграждениями. Пока шло строительство, он тихо прятался в небольшом отеле города Тумо. Когда дом был готов и обставлен, подключены услуги и опробованы охранные системы, когда всю территорию и

постройки на ней тщательно вывели и очистили от случайно попавших туда «стекляшек», Ордиер вселился.

Какое-то время он предавался сладкому самообману, что живет в незараженной, девственно-чистой среде. Но в конце концов ему пришлось смириться с тем фактом, что маленькие соглядатаи пробрались во все без исключения уголки мира. При первом же включении детектор показал, что территория поражена, так сказать, по принципу случайной выборки. Иными словами, присутствовали хаотично разбросанные «стекляшки», что отвергало мысль о целенаправленной обработке. Ордиер разыскал и изъяс «жучки» – на все про все ушло несколько недель.

Ситуация изменилась несколько недель назад, когда «стекляшки» буквально наводнили дом и надворные постройки. Причем в их проникновении прослеживалась некоторая регулярность. Не отрицая случайностей, нельзя было не заметить резкого увеличения их количества. Кроме того, шпионские трансмиттеры стали появляться в местах, куда люди предпочитают не пускать посторонних: в спальне, где Ордиер с Дженессой занимались любовью, в комнатах, где они играли и расслаблялись, в душевых кабинках, уборных, в огороженном саду и на этой самой террасе, где Дженесса любила сидеть обнаженной и греться на солнышке после душа.

Другие признаки заражения настораживали не меньше.

Во-первых, оставалось неясным, каким образом «стекляшки» попадают на территорию, куда нельзя проникнуть иначе как через главные ворота. Ворота отпирались с командного пульта из дома либо дистанционным ключом. Существовало лишь два ключа: один был у него, другой – у Дженессы. Всем остальным доступ в дом был закрыт, так что «передатчики» либо забрасывали по воздуху, либо у злоумышленников все-таки была возможность проникать в дом в отсутствие хозяев.

Ордиер, щурясь от солнца, взглянул на небо. Над головой, задрав носы, выписывали концентрические спирали два самолета. «Стеклошки» нередко разбрасывали с воздуха, но в порядке массивной обработки. Не может «стекляшка» вдруг прилететь и спрятаться в ворсе ковра у кровати. Как видно, в дом все-таки проникают чужие.

И еще один момент настораживал Ордиера: источник происхождения шпионских передатчиков. По идее единого установившегося образца не существовало. Ему попадались «стекляшки» с промышленным кодом военных заводов двух противоборствующих стран, хотя, в принципе, наличие трансмиттеров на островах противоречило Соглашению о нейтралитете. В основной своей массе они поставлялись коммерческими организациями, многие из которых Ордиеру были хорошо знакомы. По иронии судьбы вполне возможно, что кое-какие из этих партий он продавал даже лично. Вопросы вызывала третья разновидность, вообще не помеченная кодом производителя; их происхождение невозможно было отследить. Такой поворот оказался для Ордиера тревожным сигналом.

Повседневная жизнь Ордиера сводилась к более-менее налаженным отношениям с Дженессой, уходу за домом и садом, пополнению коллекции антиквариата и редких книг. Он много перемещался по Тумо, славящемуся богатым археологическим наследием, и путешествовал с Дженессой по ближней части Архипелага во время ее продолжительных отпусков. Он чувствовал себя почти счастливым и примирился со своей совестью.

Но к лету, в конце недолгого сезона дождей, с первыми вестниками продолжительной засухи началось планомерное заражение его участка «стекляшками». По странному стечению обстоятельств, как раз тогда он совершил удивительное открытие касательно катарийцев, которое вскоре переросло в настоящую одержимость.

На восточной границе его владений, на высоком гористом хребте находилась небольшая башенка с зубчатыми стенами. Выстроенная в прошлые века, она показалась Ордиеру

странной, но красивой, и, купив землю, ее он сносить не стал. Однажды, карабкаясь по теплым от солнца гранитным стенам, он и совершил открытие, вскоре завладевшее его душой.

С башни он впервые увидел прекрасную катарийку и редчайший ритуал. Там, подсматривая и подслушивая, он уподобился тем, кто декодирует цифровую мозаику картинок, полученных от вездесущих «стекляшек».

Дженесса нежилась на солнце, попивая кофе. Ордиер сварил свежего, и она налила себе еще чашечку. Попросила принести из ванной средство от загара и стала наносить его на себя, нежно поглаживая тело. Попросила намазать ей спинку. Часто это становилось прелюдией, однако сегодня она была не в том настроении. Потом снова легла под палящим солнцем, вся лоснящаяся от крема.

Ордиер с самым невозмутимым видом сидел рядом, прикидывая, останется она дома или все же уедет в ближайшее время. Порой она оставалась, и тогда они отдыхали вместе: загорали, купались и занимались любовью. Накануне она обмолвилась, что надо бы заскочить на работу забрать кое-какие материалы, и заодно рассказала о новом коллеге. Пока что все ее поведение говорило о том, что она намерена остаться.

Вопреки предположениям, она собрала вещи и пошла в ближайшую ванную. Вновь приняла душ, на этот раз в шапочке для волос и быстро, и вскоре появилась на террасе в полном облачении. Он проводил ее до машины. Напутственные слова, небрежный поцелуй, она уехала.

Ордиер стоял под сенью деревьев, которыми была обсажена подъездная аллея. Открылись и закрылись ворота, пропуская автомобиль. Машина свернула на дорогу, что выводила к шоссе, пересекающему весь остров. Из-под колес вырвалось белое облачко пыли, зависнув над опустевшей дорогой.

Ордиер подождал – бывало, Дженесса возвращалась, чтобы забрать позабытую вещь.

Пыль рассеялась, над горами колыхалась туманная дымка. Ордиер повернул к дому и направился по наклонной дорожке к парадному входу.

Когда он оказался один дома, ему не перед кем было скрывать нетерпение. Он помчался в кабинет, схватил бинокль и выскочил через боковую дверь. В быстром темпе дошел до высокой каменной кладки, что искоса тянулась вдоль основания горной гряды. Отпер навесной замок на крепких деревянных воротах и вышел на песчаный дворик, побелевший от солнца и времени, окруженный со всех сторон непролазной стеной и раскаленный от солнца в этот безветренный день. Ордиер запер ворота изнутри и стал неспешно взбираться по склону в сторону угловатой постройки на вершине хребта.

Этим участком земли Ордиер заинтересовался как раз из-за башни. Вообще, эта часть острова находилась на слишком большом удалении от населенной части Тумо. Он, конечно, мечтал о безлюдном местечке, но не до такой же степени! Так или иначе, к этой покупке его подтолкнуло как раз наличие миниатюрного «каприза», выстроенного триста лет тому назад в необъяснимом порыве вдохновения по приказу какого-то чудака.

Горный хребет служил естественной границей его владений с востока и был ориентирован с севера на юг. Почти на всем протяжении это была скала, по которой невозможно было взобраться наверх без специальной обуви и веревок. Не сказать, чтобы гора поражала своей высотой, – со стороны особняка она высилась над равниной футов на двести, не больше. Главное, что она была усыпана острыми, готовыми обвалиться камнями. Сейсмическое потрясение, случившееся в геофизическом прошлом острова, сжало и приподняло пласты породы так, что земная кора вздыбилась и приподнялась над поверхностью грунта, как разломленный напополам железный лист.

И вот над самой верхушкой хребта какой-то чудак умудрился возвести свой шедевр – неизвестно, ценой скольких жизней. Постройка балансировала на скальных выступах, точно канатоходец, грозя в любой миг обрушиться.

Когда Ордиеру впервые показывали владения, долина, простиравшаяся за утесом, представляла собой широкую пустынную полосу, покрытую то пылью, то грязью, в зависимости от времени года, и утыканную скудной растительностью. Но то было до прибытия беженцев и последовавших за тем перемен.

По внутренней стене «каприза» тянулся лестничный пролет из камня, ведущий на стену с бойницами. Нижние ступени перед заселением хозяина в особняк укрепили железными прутами и цементными подпорками. Верхние же остались в первозданном виде. К узким бойницам также можно было пробраться, но весьма сложно и с риском для жизни.

На полдороге вверх, перед последней крепкой ступенькой, в толще главной стены таилась крохотная камера.

Остановившись, Ордиер с головокружительной высоты посмотрел на землю внизу. Его дом – слепящая крыша с ровно выложенной черепицей, буйная зелень садов, требующих постоянного полива в здешнем климате, – единственный зеленый пятчок на всем обозримом пространстве. За ними – далекая и высокая, укутанная в коричнево-пурпурную мантию Тумийская гряда, обжитая людьми. За горными вершинами – невидимый отсюда Тумо-Таун в синей лагуне, современный город, выстроенный на руинах морского порта, разгромленного в самом начале войны.

Справа и слева серебрилась роскошная гладь моря, а дальше на север, едва заметной полосой на линии горизонта, почти спрятанной за изгибом земного шара, виднелся остров Мьюриси. Сегодня над ним простиралась густая пелена сонного марева.

Вдоволь налюбовавшись окрестностями, Ордиер шагнул в тайную нишу, зажатую меж двух заходящих друг за дружку стен. Даже у самого входа, балансируя на опасных ступенях, трудно было увидеть скрытый проход. Жаркую, мрачную нишу, высотой и шириной достаточную лишь для того, чтобы человек поместился в ней стоя, Ордиер обнаружил совершенно случайно, в свою первую вылазку. Он протиснулся сквозь проход и, встав на узкий уступ, перевел дух.

После яркого солнечного света показалось, что в сумраке тайной ниши царит полная темнота. Небольшой свет исходил только из поперечной щели в стене, обнажающей узкую полосу синего неба.

Отдышавшись и привыкнув к темноте, Ордиер шагнул на привычный выступ, нащупав стертый до гладкости порожек. Под ногами во всю глубину простиралась внутренняя полость простенка, уходя меж зубчатых скал до земли. В один из первых визитов Ордиер посветил вниз фонариком и понял, что если упадет туда, то шансов на спасение нет никаких.

Донесся приторный цветочный запах. Ордиер взглянул себе под ноги и различил в тусклом свете неясные очертания каких-то пестрых крапинок на выступе, где стоял.

Ордиер безошибочно определил аромат катарийских роз. Вчера целый день с юга дул горячий ветер «наалаттан», как зовут его местные, и в небо поднялись вихри кружащихся лепестков, цветных, легковесных, которые опускались на долину, наполняя ее удивительными запахами. Некоторые из лепестков возносились на самую высоту, вплоть до наблюдательного пункта в этой крохотной камере. Казалось, их можно коснуться пальцами, протяни только руку. Увы, надо вернуться к приходу Дженессы и покинуть свой пост в самый разгар этой теплой метели.

Всем известно, что аромат катарийской розы обладает легким наркотическим действием. Под ногами похрустывали лепестки, и в нос ударял приторный сладкий запах. Ордиер принялся очищать проем от лепестков, сгребая их в зияющую под ногами пропасть.

Расправившись с лепестками, он поднес к глазам бинокль и прильнул к трещине. Сгорая от нетерпения, навел фокус и принялся рассматривать раскинувшуюся внизу долину.

Вечером Ордиер поехал в Тумо-Таун, в квартиру Дженессы. Ехал он неохотно, им скорее двигало чувство долга, чем жажда общения. Разговоры с чужими людьми его не привлекали, к тому же предстоящая беседа рано или поздно скатится к теме катарийских беженцев, а ему бы этого не хотелось.

После своего открытия Ордиер избегал любых разговоров о них, а если не удавалось, говорил крайне неохотно, как будто отгораживаясь от посягательств на сокровенное. По той же причине он держал в неведении Дженессу. Она, как и ее сегодняшний гость-антрополог, пыталась решить загадки, связанные с катарийцами. Для Ордиера вуаль тайны, окутывающей это племя, начала потихоньку подниматься, но делиться этим он ни с кем не спешил. Во-первых, тогда пришлось бы рассекретить свой наблюдательный пункт, а во-вторых, раскрыть тайные и непозволительные удовольствия, которые он испытывал.

К его приезду все уже собрались.

Первым делом Дженесса представила гостей: профессор Джейси-Джей Пэррен и его жена Луови. Пэррен не вызывал особых симпатий: толстый и навязчивый коротышка суетливо потряс Ордиеру руку и тут же отвернулся, чтобы продолжить занимающий его разговор с Дженессой. В обычных обстоятельствах Иван не спустил бы такой бесцеремонности с рук, но подруга бросила на него умоляющий взгляд, и он сдался. Налил себе выпить и расположился на стуле чуть поодаль от Луови.

Выпивали, закусывали, говорили об Архипелаге. Пэррен с Луови совсем недавно прибыли с севера, и все им тут было в новинку. Хотелось побольше узнать о здешних местах, чтобы в перспективе свить гнездышко и осесть. До сих пор они посетили лишь два острова: Мьюрисы, ставший «перевалочным пунктом» для иммигрантов, и собственно Тумо.

Очень скоро Ордиер заметил, что, когда речь заходила об островах, Луови проявляла недюжинный интерес, буквально засыпала вопросами. А далеко ли такой-то остров от Тумо? А сколько часов до него добираться?

– Джейси-Джею надо бы что-то поближе, чтобы не тратить лишнее время в пути, – комментировала она.

– Помнишь, я говорила тебе, Иван, – невзначай обронила Дженесса, – что профессор Пэррен приехал на остров изучать катарийцев.

– А не проще ли поселиться на Тумо?

– Такой вариант мы рассматривали, – отозвался Пэррен. – Я интересуюсь разными теориями касательно этой народности. Видите ли, среди ученых бытует предположение, и Дженессе об этом прекрасно известно, что у катарийцев феноменальное обоняние. Каждому месту свойственны основные фоновые запахи – скажем, запах возделанной почвы, специфической растительности, промышленных предприятий и тому подобное. Я считаю, что сенсорный аппарат катарийцев настроен на обонятельное узнавание места. И если мы здесь обоснуемся, то нас будет легко узнать по запаху Тумо. Как и любого, кто носит на стопах прах здешних почв, так сказать. Так что идеальное месторасположение должно находиться на некотором удалении от Тумо и нести на себе совершенно иную обонятельную метку.

– Наверное, в этом что-то есть, – согласился Ордиер, потягивая коктейль и пытаясь вникнуть в противоречивую аргументацию собеседника.

– И какой же остров вы нам посоветуете? – спросила Луови.

– Так сразу не скажешь.

Пэррен надулся.

– По-моему, я знаю, о чем вы думаете, Ордиер. С чего это вдруг мне добиться успеха там, где все остальные потерпели неудачу?

– Катарийцы – крепкий орешек для ученых, – нейтрально заметил Ордиер.
– Я бы не бросил свою карьеру в Джетре, если бы не был на сто процентов уверен в успехе.

– Конечно.

– Некоторые подходы еще никто не опробовал.

– Например?

– Я поделюсь с вами главной догадкой, у меня нет секретов. – Пэррен подался вперед. – Есть одна тонкость в поведении катарийцев, на которую до сих пор никто почему-то не обратил внимания. А это ведь так очевидно! Катарийцы населяют экватор.

– И что? Весь остров находится на экваторе, – возразила Дженесса с явным интересом.

– Да, остров в целом расположен на экваторе, но вот долина, где обосновались катарийцы, находится буквально на самой черте. Вы когда-нибудь спрашивали себя, почему?

– Может, случайное совпадение? Их туда заселили решением властей. Быть может, не нашлось другого места, чтобы поместить столь большое количество людей.

– Никак нет, – ответил Пэррен. – Катарийцы сюда приехали по собственному желанию, более того, они требовали именно это место.

– На экваторе полно островов. Почему именно Тумо?

– Другие острова они отвергали. По той или иной причине они им не подходили. Знаете, Ордиер, я плотно интересовался этим вопросом и с уверенностью заявляю, что долина на Тумо – отнюдь не первое из предложенных мест. Прежде чем катарийцы осели здесь, они успели здорово попутешествовать по Архипелагу. Долгие годы, много островов. И каждый из них отклонялся от экватора не более чем на пару градусов.

– А ведь они, если мне память не изменяет, выходцы с южного континента?

– Думаю, вам не надо напоминать, где находится Катарийский полуостров?

Наконец Ордиеру стало понятно, к чему клонит Пэррен. Катарийский полуостров – это часть южного материка. Длинным выступом, устремленным на север, поперек Срединного моря, он венчает огромный треугольник долины. Этот выступ, известный под названием Тенкеровой пустоши, простирается так далеко на север, что его часть, а именно Катарийский полуостров, фактически пересекает экватор. И получается, вопреки здравому смыслу, что земли южного материка заходят в северное полушарие. Обитаемых поселений на Тенкере нет, там живут лишь кочевники. Зато за горами, позади болотистой, покрытой манграми перемычки, благодаря которой полуостров не превратился в остров, обитали катарийцы. Оттуда они родом.

– При всем уважении, Джейси-Джей, – проговорила Дженесса, – это ни для кого не секрет. Да, это отличительная черта катарийцев, представляющая большой интерес, но до сих пор никому не удалось проследить зависимость их уникальной культуры от экваториального месторасположения.

– Все верно. А еще никто не пытался наблюдать за их жизнью с воздуха.

Дженесса недоуменно посмотрела на него.

– С воздуха?..

– Я полечу на самолете. Временная спираль позволяет зависнуть в любой точке экватора. Вот я и понаблюдаю за ними сверху.

Дженесса собрала со стола грязные тарелки и с задумчивым видом сложила их стопкой перед собой.

– Ничего у вас не получится, профессор Пэррен, – сказала она.

– Не вижу причин для неудачи.

– Едва они увидят, что над ними завис самолет, будет та же реакция, что и обычно.

– Временная спираль проходит над их поселением дважды в сутки, – продолжил Пэррен. – И пролетающий над головой самолет – вполне привычное зрелище. А значит, их

можно будет наблюдать с борта судна, оставаясь при этом незамеченным. Как бы то ни было, такого еще не пробовали.

– И, наверное, неспроста. Конечно, спирали проходят и тут, но воздушное зависание – не более чем обман зрения, так что лучшего обзора вам это не гарантирует.

– Вы так считаете? А сами-то пробовали?

– Я – нет, – честно ответил Ордиер.

– Что и требовалось доказать, – выдал Джейси-Джей и уставился на женщин в поисках одобрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.